

**«СВЕРХ ОСНОВНЫХ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ
ЯВЛЯЛИСЬ УЧАСТНИКАМИ ОБЩЕСТВ...»:
ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПРОФЕССОРОВ
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.**

© Бушуева Л.А.

Национальный музей Республики Татарстан

В конце XIX – начале XX в. общественная деятельность стала важной частью каждодневной жизни казанских профессоров. В это время сформировались представления о профессоре университета как носителе высокой социальной миссии педагога, призванного дидактически воздействовать на учащихся и общество [3, с. 311, 349]. Знания преподавателей, их новейшие научные достижения оказались востребованными в обществе, в котором в условиях бурных перемен возрос интерес к науке. Во второй половине XIX в. происходит становление нового типа университетского профессора – активного общественного деятеля.

Общественная работа казанских профессоров сосредотачивалась, главным образом, в области народного просвещения, научных обществах и обществах «по интересам», органах земского и городского самоуправления, благотворительных организациях. Общественная работа не имела непосредственной связи со службой в университете. Участие или неучастие каждого из преподавателей в общественной жизни было делом частным. Ученые занимались общественной деятельностью, прежде всего, на добровольных началах.

В 1860-е гг. основным направлением общественной деятельности казанских профессоров являлась работа в области народного просвещения. В это время профессора продолжали проводить публичные лекции, имевшие в Казанском университете давние традиции. Преподаватели сами предлагали темы выступлений членам университетского Совета. Окончательное

утверждение темы лекций должны были получить от попечителя Казанского учебного округа. Университету присылалось отношение, в котором содержались отказ или разрешение на прочтение той или иной лекции [1, с. 6]. Публичные чтения пользовались популярностью среди казанцев. По свидетельству современников лекции профессоров А.М. Бутлерова, П.И. Котельникова «были просто в моде, и публика стремилась на них столь же ревностно, как на театральные спектакли» [2, с. 134].

Благоприятные условия, возникшие в результате реформ 60-х гг. XIX в., способствовали созданию и успешному развитию при Казанском университете научных обществ. В данный период функционировали Общество естествоиспытателей (1869), Общество археологии, истории и этнографии (1878), Общество врачей (1868), Общество невропатологов и психиатров, Казанское юридическое общество, Физико-математическое общество, вышедшее из состава Общества естествоиспытателей и другие. Эти организации были самостоятельными, возникли по инициативе университетских преподавателей, а также возглавлялись, как правило, профессорами.

Одним из самых крупных научных обществ являлось Общество археологии, истории и этнографии (далее – ОАИЭ). Оно было организовано в 1878 г. благодаря членам прошедшего в 1877 г. в Казани IV Археологического съезда. Из 40 членов-учредителей 15 человек являлись профессорами Казанского университета. Из 220 профессоров, работавших в Казанском университете с 1863 по 1917 гг. членами этой организации являлось более 60 человек [44, с. 28].

Целью общества являлось изучение «прошедшего и настоящего русского и инородческого населения» на обширной территории Поволжья, Приуралья, Сибири и Средней Азии [44, с. 24]. Как и другие подобные общества, ОАИЭ отличало самофинансирование, равноправие членов, выборность руководящих органов и должностных лиц. Во главе общества находился совет, избиравшийся на два года. В его состав входили председатель общества, товарищ председателя, пять членов совета, секретарь и казначей. Между членами совета распределялись

также обязанности заведующих архивом ОАИЭ, библиотекой и музеем [44, с. 27]. Преподаватели университета на протяжении всего рассматриваемого периода занимали самые важные должности в ОАИЭ. Так, все председатели этой организации, кроме попечителя учебного округа П.Д. Шестакова, были университетскими профессорами. Из их же числа избирались секретари общества, члены совета, заведующие музеем и библиотекой.

Работа ОАИЭ проходила в форме заседаний совета и публичных собраний. Заседания совета обычно проводились в воскресения или по пятницам, начинались в 19.00 или 19.30 часов и шли до 21.30 часов вечера, а иногда заканчивались и позднее [17, КП-21343, КППи-114770, КППи-106462, КППи-123734]. На них обсуждались организационные, финансовые вопросы, заслушивались научные доклады [18, л. 1; 19, л. 1; 20, л. 1; 21, л. 1]. На публичных собраниях заслушивались годовые отчеты общества, научные сообщения, принимались новые члены, избирались делегаты на научные съезды и другие. Публичные собрания общества проходили, как правило, в здании университета, в малом зале.

Важную часть деятельности членов ОАИЭ составляли научные экспедиции. В них принимали активное участие и университетские профессора. Экспедиции общества проводились в Казанской губернии и соседних регионах [36, с. 62]. Так, членами этой организации были исследованы такие археологические памятники как Билярск, Джукотау, Тубулгу-Тау в Чистопольском уезде, Болгары в Спасском уезде Казанской губернии [23, л. 4-5].

Так как в данный период археология как наука проходила стадию становления и считалась отраслью естествознания, этой специальностью занимались преимущественно ученые-геологи и географы. Среди казанских профессоров видными организаторами археологических «экскурсий» являлись профессор геогнозии и палеонтологии А.А. Штукенберг, профессор географии и этнографии П.И. Кротов [26, с. 232, 235–236]. Однако в археологических экспедициях принимали участие преподаватели других специальностей. Профессор юридического факульте-

та Н.П. Загоскин в качестве члена ОАИЭ в 1882 г. участвовал в раскопках Ананьинского могильника, расположенного недалеко от Елабуги [27, с. 69], профессор хирургической патологии Н.Ф. Высоцкий проводил археологические раскопки самостоятельно. В экспедиции 1878 г. в окрестностях Казани у сел Большие и Малые Отары им были открыты семь стоянок каменного века. По итогам экспедиций члены общества представляли научные доклады и статьи в издание общества – «Известиях общества археологии, истории и этнографии».

Однако важнейшей задачей общества, кроме изучения истории края, профессора считали просветительскую работу. Общество археологии, истории и этнографии, как и Общество естествоиспытателей, занималось организацией публичных лекции и музейных выставок. Эти мероприятия были ориентированы на широкие слои казанцев. Темы лекций утверждались на университетском Совете [14, л. 1]. Предварительно общества выпускались объявления, где указывались тема выступления, докладчик [17, б/н, л. 1]. Вход на лекции был платным, цена на первые четыре ряда составляла от двух до одного рубля, на остальные места – 50 копеек, существовали льготы для студентов и других учащихся, для них стоимость одной публичной лекции составляла 25 копеек. Собранные с лекций средства, как правило, шли на организацию экспедиции. Научные общества распространяли билеты посредством известных городских магазинов, расположенных недалеко от университета на Воскресенской улице. Билеты можно было приобрести в кондитерской Дозе, в музыкальном магазине «Восточная лира» на Воскресенской улице, в книжном магазине А.А. Дубровина, расположенном в Гостином дворе, а также в библиотеке Михайловой, помещавшегося в здании городского пассажа [40, с. 418, 419, 721, 723.].

Публичные лекции обычно проходили вечером – 19.30 или 20.00 часов. в зданиях университета, в частности, в одном из самых больших лекционных помещений – актовом зале, в котором было 350 мест. На публичные лекции собиралось такое большое количество слушателей, что огромный университетский актовый зал часто не мог вместить всех пришедших [1,

с. 88]. Большинство тем лекций было связано с научными и общественными вопросами, кроме того в них часто затрагивались вопросы, касавшиеся новых повседневных явлений, только входивших в обиход горожан конца XIX – XX вв. Примером таких тематик может служить выступление преподавателя университета В.А. Ульянина «Электрические колебания и беспроводный телеграф» [17, б/н, л. 2].

Другой формой просвещенческой работы обществ являлась организация выставок для горожан. Члены общества считали важным в просветительских целях демонстрировать находки, привезенные из экспедиций, широким слоям общест-венности. Многие из них профессора передавали в музей Общества археологии, истории и этнографии, который располагался в здании университета. Их выставляли на археолого-этнографических выставках, открывавшихся в университетском актовом зале и аудиториях [27, с. 79]. Одна из первых таких выставок была открыта в университетском актовом зале 19 марта 1879 г. в день проведения Первого публичного годичного собрания членов ОАИЭ. На ней были представлены предметы из коллекции общества [24, л. 1]. Такие выставки в дальнейшем регулярно открывались в день ежегодного публичного заседания Общества, некоторые из них проводились совместно с Об-ществом естествоиспытателей. Так, на XI заседании ОАИЭ бы-ла открыта «антрополого-археологическая выставка» при уча-стии двух этих обществ [25, л. 2]. Таким образом, профессора развивали традицию открытия для публики университетских кабинетов и музеев, давая возможность, по словам профессора Н.П. Загоскина, «массе серого люда выносить из стен их более или менее интересные или общепользные сведения» [40, с. 339].

Прежде всего, просвещенческие и практические, а не ис-следовательские, задачи решали и другие университетские об-щества, в частности, Казанское общество врачей. Эта организа-ция возникла в 1868 г. по инициативе нескольких казанских врачей, в 1875 г. она прекратила свою деятельность, а в 1877 г. общество было присоединено к университету. Оно объединяло университетских преподавателей, частнопрактикующих врачей,

врачей городских больниц. Некоторые его члены придерживались мнения, что Общество врачей должно иметь «чисто учебный характер, что ему всего более приличествует, как университетскому Обществу» [33]. Однако именно профессора университета, в частности председатель общества профессор А.В. Петров, были против академического, кабинетного характера его деятельности. Они настаивали на первоочередность таких задач, как распространение медицинских знаний среди населения, контроль над санитарным состоянием города и т.п. Низкий уровень санитарии, эпидемии, высокая заболеваемость и смертность были в этот период серьезной проблемой для Казани. Простые обыватели, малограмотные в области медицины, неохотно пользовались услугами профессиональных врачей. Болезни не вызывали у них тревогу, так как в то время во многом воспринимались как испытание [4, с. 241]. В столь неблагоприятных для сохранения здоровья условиях, в которых пребывали жители Казани, от Общества врачей, по мнению А.В. Петрова, требовались прежде всего практические действия, направленные на устранение причин частых эпидемий и повышение медицинской грамотности населения. Он считал, что с присоединением к университету общество перестало приносить практическую пользу. В докладах на заседаниях 1881 г. профессор отмечал: «В наших беседах не видно заботливости о благосостоянии бедного населения... В настоящее время, занимаясь под сенью университета преимущественно вопросами чистой науки, Общество, казалось бы, должно было вести это дело с большею правильностью, чем прежде. На практике, однакож, мы видим результаты далеко не утешительные» [4, с. 241]. Благодаря активной деятельности университетских медиков Общество много внимания уделяло пропаганде медицинских знаний, организации публичных лекций, санитарным мероприятиям в городе.

Работа в общественных организациях формировала особый характер отношений между казанскими профессорами. Участники этих организаций стремились избегать в работе излишнего формализм, характерный для работы университетских органов, в особенности периода Устава 1884 г. К примеру,

представители Общества врачей заявляли, что для большей продуктивности этой организации необходима именно демократичная форма проведения заседаний. Один из его членов И.М. Малиев высказывался: «для оживления общества желательно, чтобы заседания его не имели свойственной им некоторой торжественности. Надобно стремиться, чтобы собрания общества были как можно проще, задушевнее, имели бы чисто коллегиальный характер; тогда члены не стеснялись бы выступать с какими-то ни было сообщениями, имея в виду поделиться с товарищами тем, что интересует их в данную минуту» [32]. Нужно отметить, что если в других обществах Казани декларируемое равноправие мужчин и женщин не соблюдалось, общества оставались «мужским доменом» [28, с. 475], в Обществе археологии, истории и этнографии супруги казанских профессоров были полноправными членами. Раиса Александровна Нелидова была членом-соревнователем, Варвара Дмитриевна Корсакова являлась действительным членом [7, с. 8, 11]. Деятельность в общественных организациях позволяла супругам профессоров входить в университетское научное сообщество. Они имели публикации, исследования. Они получали возможность появляться на публике, представлять себя и свои научные дарования общественности.

Принадлежность к научным общественным организациям позволяло казанским ученым значительно расширить круг научных контактов. Именно в качестве депутатов от общественных организаций казанские ученые приглашались в другие научные центры на самые разные мероприятия, начиная от научных съездов и конгрессов и заканчивая, такими торжествами, как открытие памятника А.С. Пушкину в Москве и другие. Из профессоров Казанского университета постоянными участниками всероссийских съездов являлись А.А. Штукенберг, Д.А. Корсаков, П.И. Кротов, А.Е. Арбузов, Н.А. Толмачев и другие.

Благодаря деятельности в общественных организациях в университетской среде Казани появилась новая форма научного общения. Казанские ученые стали участвовать в научных съездах. Эти мероприятия впервые начали проводиться в России с

1867 г. по образцу съездов, проводившихся в Европе. Так, в Европе Археологические съезды стали организовываться уже во второй четверти XIX в. К примеру, Археологические съезды проходили один раз в три года. Их проведению предшествовала тщательная подготовка, длившаяся по нескольку лет. В каждом из этих мероприятий принимало участие от 100 до 600 человек [38, с. 14]. Согласно «Правилам» участие в съездах было свободным, добровольным, ограничивалось лишь небольшим членским взносом. Участники делегировались от общественных объединений, учебных заведений и других организаций. К примеру, над организацией Археологического съезда в Казани Предварительная комиссия работала три года. Длительность прохождения этих мероприятий составляла от двух до четырех недель. Они проходили не только в форме выступлений с докладами, но и включали в себя «неофициальную» часть, например, проведение экскурсий, посещение торжественных банкетов, «обедов», «завтраков» [Цит. по: 11, с. 72].

В 1873 г. в Казани проходил IV съезд естествоиспытателей и врачей, организатором которого являлось Общество естествоиспытателей. В 1878 г. здесь состоялся IV Археологический съезд. Для Казанского университета и его ученых, находящихся, по словам профессора Н.О. Ковалевского, «почти на окраине образованного мира» [Цит. по: 11, с. 72] организация этих съездов, а также приезд именитых гостей (А.М. Бутлерова и др.) имели большое значение, так как являлись неоспоримым признанием их просвещенческих заслуг, позволяли казанским ученым ощутить себя частью единого научного пространства и расширить круг научного общения. Так, профессор Д.А. Корсаков в воспоминаниях отмечал, что его дружеские отношения с графом П.А. Уваровым и А.Б. Лобановым-Ростовским установились благодаря участию в работе Предварительного Комитета по подготовке IV Археологического съезда.

Необходимо отметить, что это новая форма научного общения поначалу вызывала неприятие не только у губернского начальства Казани, но и у некоторых казанских ученых. Неприятие вызывал демократичный, в сравнении с формализованны-

ми взаимодействиями в университете, характер общения. Как писал в воспоминаниях профессор П.К. Владимиров. «Таковы и съезды ученых. Обыкновенно они раззадорят внимание молодежи, подобьют на занятия, отнимут и материалы и оставят ни с чем. Вот почему, сколько я помню, И.Я. Порфирьев в Казани высказывался недоверчиво к этим Съездам».

Сотрудничество с общественными организациями также повышало возможности профессоров регулярно получать новую научную литературу. К примеру, ОАИЭ обменивалось книжными изданиями с десятками научных и общественных организаций по всей Российской империи и за границей. Так, библиотека Общества получала литературу из российских университетов, Русского Географического Общества, Русского Археологического Общества, других ученых обществ Москвы, Петербурга, Финляндии, Дерпта, Кенигсберга, Харькова, Киева и др., обменивалось изданиями с редакциями журналов «Русская Старина», «Этнографическое Обозрение». Кроме того, члены Общества археологии, истории и этнографии сами могли влиять на заказы книг и периодических изданий, а действительные члены общества и члены-сотрудники, выписывающие издания от этой организации, пользовались скидкой в размере 30% [7, с. 470.].

Другим направлением общественной активности университетских профессоров являлась благотворительность, которая во многом была ориентирована на студентов. После реформ 1860–1870-х гг. благотворительная деятельность начала развиваться во всех слоях российского общества, а не только в среде дворянства, как это было в первой половине XIX в. [42, с. 101] Профессора занимались привлечением средств в пользу нуждающихся воспитанников, организовывая благотворительные акции, в частности балы и концерты. Нередко им оказывали содействие члены их семей [10, с. 3]. Участие в благотворительности являлось частью их публичной деятельности, способствующей сближению различных городских слоев с университетом [17, б/н].

Казанские профессора проявляли активность в работе земских организациях. По свидетельству Н.М. Пирумовой, по-

явление земских учреждений, элементов самоуправления вызвало полное одобрение либеральной общественности [30, с. 70]. Земскими деятелями являлись профессора, имевшие земельную собственность. Среди них было не много земских деятелей, так как участие в земских организациях требовало наличия земельной собственности. Среди них были профессора А.В. Васильев, Д.А. Корсаков, А.И. Якобий. Профессор А.В. Васильев являлся почетным мировым судьей, с 1896 г. земским гласным городской Думы, а с 1901 г. – губернским земским гласным [43, с. 19]. С начала 1890-х гг. одним из основных направлений работы земств становится народное образование [30, с. 117]. Сфера деятельности профессоров в рамках земских организаций также сосредотачивалась в основном в области народного просвещения. Профессор Д.А. Корсаков первый в Казанском уезде пожертвовал землю из своего имения в деревне Арышхадза Кулаевской волости на строительства училища. В 1891 г. при его содействии это учебное заведение было открыто [5, с. 4].

Общественные организации стали неотъемлемой частью университетской жизни, а общественная деятельность стала статусной частью повседневности профессоров. Данные о деятельности обществ регулярно публиковались в ежегодно издававшихся сведениях о состоянии Казанского университета [35, с. 18–19; 36, с. 16]. В специально отведенных разделах описывались основные направления общественной работы, которые вели профессора и преподаватели «сверх своих обязанностей...». Университетская корпорация внимательно следила за общественной активностью своих представителей и оценивала ее характер. В университетской среде положительно оценивалась деятельность, связанная с научной или педагогической работой и неоднозначно оценивалась роль чиновника. Коллеги не приветствовали бурную административную деятельность профессора математики Э.П. Янишевского, являвшегося первым казанским городским головой, избранным по Городовому положению 1870 г. Около десяти лет он совмещал управление городом и профессорство в университете. Занятие Э.П. Янишевским должности главы органов городского управ-

ления позволило профессору Н.М. Мельникову высказаться против переизбрания профессора в 1880 г. на новый срок после истечения 25 лет службы. Профессор Н.М. Мельников выразил отдельное мнение о том, что должность Э.П. Янишевского явилась причиной того, что «наиболее значительную часть поручений факультета, исполнение которых входит в круг обязанностей представителя кафедры чистой математики, возлагается на доцента при этой кафедре» [15, л. 38–38 об.]. Поэтому члены факультета даже не смогли сделать «надлежащей оценки заслуг г. Янишевского». Пребывание профессора на службе по мнению физико-математического факультета «не принесло бы пользы» [15, л. 38–38 об.].

Университетская корпорация неоднозначно относилась к общественной деятельности профессора Н.А. Осокина. Этому способствовали многочисленные слухи о растратах государственных средств, неожиданное самоубийство профессора при загадочных обстоятельствах. В официальных публикациях коллеги и ученики в вину ученому ставили чрезмерное увлечение общественной работой. Как писал А.О. Овсянников: «слишком увлекся общественной работой и перестал соответствовать скромному званию профессора». Судя по частной переписке, университетских людей шокировали даже слухи о возможных финансовых махинациях коллеги. Выпускник историко-филологического факультета Казанского университета Ф.Е. Акинфиев писал Д.А. Корсакову: «вот никогда бы не взялся сказать! И так это по истине печально! Пусть бы там на просвещенном Западе, там это, пожалуй, теперь и у места. Но у нас, где хочется верить, значительно больше истинной внутренней религии и нравственного чувства – это очень обидно! А что в таких делах оказался повинным представитель высшей науки, так этого просто переварить нельзя!» [22, КППИ-123666-3267, л. 5 об.].

В начале XX века сфера общественной деятельности казанских профессоров расширилась. Проведение публичных лекций не ограничивалось университетом, их стали проводиться в самых разных заведениях города: от элитарного Дворянского собрания, до заведений, считавшихся демократическими

по своему характеру – Купеческом клубе [1, с. 67], Казанском обществе приказчиков, в здании Алафузовского театра. Профессора организовывали публичные лекции и совместно с ведущими досуговыми учреждениями города. Так, в начале XX в. в Городском театре с успехом проходили «спектакли-лекции». Университетские профессора перед спектаклями читали вступительную лекцию о творчестве драматурга, постановку пьесы которого предстояло увидеть. Так, в театральном сезоне 1908 г. профессор Б.В. Варнеке выступал с циклом лекций об А.Н. Островском, В. Шекспире [39, с. 2].

Расширялось взаимодействие профессоров с другими слоями города в качестве экспертов, обладающих специальными знаниями. Еще в 1860-х гг. профессора физико-математического факультета – И.А. Больцани, В.В. Марковников, А.К. Чугунов по просьбе городской полиции производили специальные экспертизы, помогавшие в раскрытии уголовных дел [13, л. 407, 411–412]. Роль казанских профессоров в качестве экспертов значительно возросла с началом Первой мировой войны. Профессора Д.А. Гольдгаммер, А.Я. Богородицкий стали активными участниками и организаторами Казанского военно-промышленного комитета. А.Я. Богородицкий являлся председателем химической секции, которая вела работу по направлению борьбы с удушливыми газами, распространившимися в период Первой мировой войны [12, л. 116]. По распоряжению Министерства народного просвещения в университете было организовано приготовление медикаментов для нужд армии. Эту работу возглавила специальная комиссия под председательством ректора Г.Ф. Дормидонтова. От физико-математического факультета в работе комиссии принимали участие профессора Ф.М. Флавицкий, А.Н. Остряков, А.Е. Арбузов, А.Я. Богородицкий. По инициативе профессора медицинского факультета В.Н. Тонкова были созданы курсы для подготовки персонала по уходу за больными и ранеными. Число их слушателей превысило 200 человек [29, с. 54].

На развитие общественной деятельности казанских профессоров существенное влияние оказали политические процес-

сы начала XX в. Среди профессорско-преподавательского состава в идейном плане наиболее популярны были два основных направления – либеральное и консервативно-монархическое. Еще в начале 1905 г. о своей принадлежности к Академическому союзу заявили профессора университета А.В. Вишневский, В.С. Груздев, Н.П. Загоскин, Э.К. Мейер, Н.А. Миславский, Н.Н. Парфентьев, А.Ф. Самойлов, Н.Н. Фирсов и др. [9, с. 225] Особой активностью среди университетских преподавателей отличалась небольшая группа приверженцев правых взглядов. Ее лидером являлся профессор юридического факультета В.Ф. Залесский – как он сам себя охарактеризовал – «убежденный консерватор, монархист, русский националист» [6, с. 2].

Политическую деятельность профессоров Казанского университета нельзя назвать активной, однако политические воззрения профессуры являлись объектом пристального внимания со стороны городских властных структур. В 1907 г. начальник управления Казанской губернской жандармерии К.И. Калинин доносил Департаменту полиции «о политическом направлении академического состава Казанского Университета» [8, с. 229–230]. Среди преподавателей он выделял группу «левой политической партии»: профессора Д.Н. Зейлингер, Д.А. Гольдгаммер, Н.А. Геркен, А.Г. Агабабов, В.Н. Тонков и др. Выделялась группа профессоров, «примыкавших к социал-демократам»: Н.А. Миславский, Л.О. Даркшевич, К.А. Арнштейн и др., а также группа «правой политической партии»: Н.Ф. Высоцкий, Н.А. Засецкий, И.М. Догель и др. [8, с. 229–230]. Внимание городской общественности также было приковано к политическим взглядам университетских профессоров. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи в казанских газетах с политическими оценками деятельности преподавателей [31; 34; 37; 41]. «Политический фактор» вне зависимости от степени политической активности профессоров оказывал влияние на повседневные межличностные отношения, провоцируя крупные корпоративные конфликты между университетскими преподавателями.

Таким образом, Великие реформы 1860-х гг. стимулировали гражданскую активность казанских профессоров. Они за-

нимались различными формами общественной деятельности, наибольшую активность проявляли в деятельности народного просвещения и работе научных обществ. В начале XX века университетские ученые часто привлекались в качестве экспертов. Для университетской среды было характерно внимательное отношение к общественной деятельности своих представителей. Положительно оценивались занятия в научных обществах, земской деятельности, народном просвещении, отрицательно характеризовалась роль чиновника. В пореформенный период для профессоров старшего поколения было характерно отрицательное отношение к проявлениям общественной активности, в конце XIX – начале XX века современники отрицательно относились к «кабинетным» ученым, отстраняющихся от общественных проблем.

Вовлеченность казанской профессуры в гражданскую активность была менее интенсивной, в сравнении со столичными профессорами [16]. С другой стороны, в провинциальной Казани университет был ведущим учреждением, посредством которого развивалась общественная деятельность. Гражданская активность в исследуемый период стала рассматриваться как неотъемлемая часть статуса казанских профессоров.

Литература и источники

1. Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета: XIX в. Казань, 2002. 203 с.
2. Былое из университетской жизни. Литературный сборник к 100-летию Казанского университета – Казань, 1904. 311 с.
3. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. 498 с.
4. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX – XX вв. Казань, 2008. 452 с.
5. Доклад членов Казанского уездного училищного Совета от земства Н.А. Осокина и А.И. Якобия и инспектора народных училищ В.Ф. Люстрицкого XXVIII очередному казанскому

- уездному земскому собранию о народном образовании в Казанском уезде за 1891/92 учебный год. Казань, 1892.
6. Залеский В.Ф. Опыт характеристики. Харьков, 1914. 18 с.
  7. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 10. Вып. 2. Казань, 1892. 562 с.
  8. Исаков А.П. Летопись Казанского государственного университета: (история в фактах, подтвержденная документами): в 2 т. Т. 1. 1804-1945. Казань; Лондон, 2004. 487 с.
  9. История Казанского университета / гл. ред. И.П. Ермолаев. Казань, 2004. 656 с.
  10. Кандаратская К. О кассах взаимопомощи студентов // Камско-волжская речь. 1910. 23 апреля.
  11. Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30): в 2 т. Т.2. Казань, 1930. 385 с.
  12. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1204.
  13. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5116.
  14. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5735.
  15. НА РТ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 1896.
  16. Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. М., 2008. 304 с.
  17. НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. 79.
  18. НМ РТ. ОХДИ. Протокол восьмого общего собрания ОАИЭ 11 апреля 1879 г.
  19. НМ РТ. ОХДИ. Протокол девятого общего собрания ОАИЭ 29 апреля 1879 г.
  20. НМ РТ. ОХДИ. Протокол собрания ОАИЭ 18 марта 1900 г.
  21. НМ РТ. ОХДИ. Протокол Совета ОАИЭ 9 сентября 1913 г.
  22. НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А. 1.
  23. НМ РТ. ОХДИ. Протокол общего собрания Общества археологии, истории и этнографии 16 октября 1880 г.
  24. НМ РТ. ОХДИ. Протокол I публичного годичного собрания членов Общества археологии, истории и этнографии.
  25. НМ РТ. ОХДИ. Протокол XI заседания Общества археологии, истории и этнографии.

26. О раскопках, произведенных на городище близ дер. Галкиной, на устье р. Чусовой члена-сотрудника П.И. Кротова // Приложение к Протоколам заседаний Совета Казанского Университета в 1882 году. Казань, 1882. С. 232–243.
27. Отчет о деятельности и состоянии Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за четвертый (1881–1882) год его существования. Составил секретарь Общества ординарный профессор Н.П. Загоскин. (Читано в III годичном публичном собрании Общества, 18 марта 1882 г.) // Приложение к Протоколам заседаний Совета Казанского Университета за 1882 г. Казань, 1882.
28. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин и др. Ульяновск, 2000. 692 с.
29. Павлов Н.П. Иван Волков: документальный очерк. Ижевск, 1991. 240 с.
30. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. 288 с.
31. Плоды университетской автономии // Казанский телеграф. 1909. 16 января.
32. Протоколы заседания Общества Врачей при Императорском Казанском Университете 28 января 1882 года // Приложения к протоколам заседания совета Императорского Казанского университета. Казань, 1882. С. 301–303.
33. Протоколы заседания Общества врачей при Императорском Казанском Университете 27 ноября 1881 года // Приложения к протоколам заседания Совета Казанского университета в 1881 году. Казань, 1882. С.291–298.
34. Революционная агитация с кафедры финансового права в каз. университете // Казанский телеграф. 1909. 5 января.
35. Сведения о состоянии Казанского университета за 1888 и 1-е полугодие 1889 года (Извлечение из отчета за эти годы). Казань, 1889.
36. Сведения о состоянии Казанского университета за 1891 и 1-е полугодие 1892 года (Извлечение из отчета за эти годы). Казань, 1892.
37. Сводничество науки с иудеем // Казанский телеграф. 1909. 15 февраля.

38. Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки второй половины XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 24 с.
39. Спектакли-лекции // Камско-волжская речь. 1910. 15 января.
40. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 2005. 847 с.
41. Судите сами // Казанский телеграф. 1909. 2 февраля.
42. Ульянова Г.Н. Благотворительная деятельность в Российской империи как реализация идеи «гражданской сферы» // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в российской империи. Вторая половина XIX - начало XX века / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007. С. 100–123.
43. Усманова Д.М. Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России. 1906-1917: биографические очерки. Казань, 2002. 138 с.
44. Хабибуллин А.А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878 – 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1979. 196 с.